

18+

El Gorbunova

Кровопускание

El Gorbunova
Кровопускание

«Издательские решения»

Gorbunova E.

Кровопускание / E. Gorbunova — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-985328-8

В город, выбранный наугад, на один день приезжает Ян. В тату-салоне она знакомится с неразлучными друзьями — татуировщиком Каем и сказочником Комовым. Вместе они отправляются в путешествие по городу и жизням друг друга.

ISBN 978-5-44-985328-8

© Gorbunova E.
© Издательские решения

Содержание

#	6
#	7
#	9
#	12
#	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Кровопускание

El Gorbunova

© El Gorbunova, 2020

ISBN 978-5-4498-5328-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

#

Утром пришло письмо от друга: «Сегодня я убил человека».

Оказалось – чистая правда: он застрелился.

Я помню, как мы с Каем вышли из крематория. Пощурились на солнце, привыкая к жизни.

Оставался день до зимы. Южноамериканской зимы – Ману любил только эту зиму и каждое наше лето уезжал в Колумбию или Аргентину – жить в зиме. Потому что нашей зимой у него наступало лето – в Чили или Перу.

Я нёс урну с прахом. Кай раздумывал, как с ним поступить.

Ману оставил на столе лист пожеланий. Во-первых, он настаивал на крематории, за что мы были ему очень благодарны.

– А помнишь, он мечтал о мексиканском кладбище? Рассказывал, что там весёлые надгробья, ребята славные. Будет о чём поговорить.

– На пальцах? Он не знал испанского.

Ману также сообщал, что его можно закопать под деревом. Тополем или клёном. Возможно, дубом или рябиной. Яблоней, например.

А можно развеять. Просто так или с высоты.

– Только не над морем, – напомнил Кай.

– Разумеется.

Мы выбрали крышу дома в семнадцать этажей. Ветер нас ждал и проводил к самому краю. Мы помолчали, попрощались. Вытряхнули урну.

Всё, чем был Ману, легко растаяло на солнце.

#

С тех пор, как нас осталось двое, бездельник Комов ежеутренне торчал в моём подвале. Уничтожал запасы чая и доводил до тоски болтовнёй с прихожанами.

Комов искал в них глубину. Как сам изволил выразиться, простукивал половицы, надеясь настучать под ними тайники. Но в массе своей приходящий люд был просто пол – дубовый.

Зато все прихожане страшно охотно болтали с Комовым. Он-то молчал, но его всепоглощающего присутствия было достаточно, чтобы пациент забыл про боль и трещал без умолку.

О самом прозаичном: сплетни, деньги, выпивка.

Дурацкий Комов не сдавался. Он не верил, что настолько понятные люди могут ходить в наш подвал, соглашаться на мои условия – и не иметь при этом второго дна.

Мне казалось, что ещё немного, и я отправлю Комова вслед за Ману.

Комов, чуткий к любым настроениям, вовремя прикидывался полезным. Отвечал на звонки, чего страшно не любил, но я не любил ещё страшнее; вёл записи, считал деньги. Внимание барышень тоже старался переключить на свою особу. Обычно получалось, и за это я его всё-таки терпел.

Сегодня к нам влетела леди в перьях и кольцах. Она получила, что хотела, нарекла меня гением, но не выпорхнула наружу, а потребовала чаю и защебетала. Совсем немного о себе и – вдруг – о моём образе жизни.

– У вас так интересно, Кай. Приятно. Вещи такие необычные. Кто их сюда приносит?

– Мой подвал – я и приношу.

– Откуда же мне знать? Может, это ваша жена.

Я молчал. Комов тем более – он всегда так делает.

– Вы не женаты? – прямо спросила птица.

– Вроде нет.

– А точнее не подскажете? – хихикнула она.

– Он просто не в курсе, что так делают, – вставил Комов.

– Но это же известно всем! Гению нужна женщина, которая будет обеспечивать уют!

Жена.

Тогда я сообщил присутствующим:

– Нет, я не сволочь, не женюсь.

– А что, кто женится – тот сволочь? – удивился Комов.

Такого он ещё не слышал. Я понял, что он разворачивает мысленный блокнот, и любезно продиктовал:

– Кто позволяет себе гением жить на вкусном и на стиранном – тот сволочь. Он наорёт на жену, потом в плечо ей высморкается, поэтизировать или шедевр писать отправиться, а она – посуду мыть. Он в кабак, а она – на порог, ожидать.

– И оба счастливы, – вставила леди.

– Сволочь и дура. Гадкая жизнь. Нет во мне столько гениальности, чтобы прощать себе такое.

Звонок не дал договорить. Комов словил момент и предложил пернатой леди проводить её до двери. А мне пришлось снять трубку и узнать, что «рисунок будет на запястье».

– Записываю на двенадцать. Ваши имя-фамилия?

– Ян Санчес.

– Вас действительно так зовут?

– Да.

– «Санчес» – какая буква последняя, «зэ»?

– «Сэта».

- Что?
 - На конце буква «сэта».
 - Всю фамилию по буквам продиктуйте.
 - Сэ, а, эне, че, э, сэта.
 - Что за язык?
 - Испанский. У меня испанская фамилия.
 - И мужское имя.
 - Да, – женский голос на том конце оставался бесстрастным.
- Ян Санчес. Так её и записал.

#

Знакомство с городом следует начинать с высокой ноты. Самой высокой: недостроенной многоэтажки, колеса обозрения на холме, башни какого-нибудь университета.

Это обыкновенный ритуал первого свидания: я поднимаюсь на крышу, усаживаюсь, свесив ноги за край, и пью с городом на брудершафт. Мы роднимся, он обнимает меня. Сутки я нахожусь под его защитой. Потом уезжаю, а в сердце города остаётся рубец с моим именем.

На этот раз случайный выбор города подвёл. Мы уже были знакомы, причём глубже, чем хотелось. Но город захотел увидаться опять.

Я помню, что в полуразрушенной свече было семнадцать этажей, и выше здания во всём городе не нашлось. Тёмный и неприветливый, этот массив торчал в самом центре, покрывался язвами имён и медленно сгнивал. Разумеется, никакого лифта – только опасные ступени и пролёты.

Но город желал поздороваться именно здесь, и я, вооружившись бутылкой красного, шла ему навстречу.

А на крыше стоял самоубийца. В чёрной рубашке, которую рвал ветер. На носочках ботинок стоял, раскачиваясь, у самого края – и смотрел вниз.

Я им залюбовалась. Спина крепкая, лаконичная, лица из-за волос не видно. Я жмурилась, разглядывая его, и представляла, каков он на вкус. На прикосновение.

Он обернулся.

Губы сладкие, со злым изгибом. Грудь – тёмная карамель. Обидно, если именно сейчас это тело перестанет дышать. Станет мёртвым и недееспособным. Ах, как жаль!

– Чего? – спросил самоубийца.

– Прыгаешь сейчас?

– Если ты не против.

Разбить такое тело!

– А последнее желание?

– Я уже покурил.

– Значит, нет желаний?

Самоубийца помотал головой. Я зажглась идеей.

– Выполни моё.

– С чего бы?

– Есть традиция такая.

– Ладно, – ему нравилось моё нахальство.

– Выполнишь?

– За мою жизнь не проси.

– Не буду. Выполни – и прыгай.

– Так чего ты хочешь?

– Секса. Здесь. Сейчас. С тобой.

С выражением посмотрел на бутылку.

– Пьяная?

Я повернула её горлышком вниз.

– Собираюсь открыть.

Усмехнулся. Рассмотрел.

– Что, действительно хочется?

– Очень!

– Иди сюда, – потянулся ко мне рукой, – надо же помочь человеку.

...Мы лежали на его рубахе. Он водил ладонью по моему влажному плечу, я засовывала пальцы в горлышко бутылки, пачкала их вином и облизывала.

– Как тебя зовут?

Нескромный вопрос после секса.

– «У тебя множество имён, и ты сам не помнишь, какое из них – настоящее» – процитировала я слова неизвестного мне автора о смутно представляемом мной существе.

– Зачем пошла на крышу?

– Вино пить.

– А ещё?

– Тебя найти.

Он засмеялся и погладил мои волосы.

– А я пришёл разбиться.

– Вот твоё беспомощное тело..., – я пролила вино на его живот. – Вот твоя кровь..., – и кончиком языка начала давить красные капли. Он напрягся и задышал тяжелее. – Вот твой ад. Это случилось в городе, к которому я снова вышла из вагона.

#

Кай мог бы быть другим, но не был. Мог создавать огромные полотна, выдавать их за шедевры – и убеждал бы всех. Но предпочёл каллиграфит по человеческому телу.

Мы не знали, как долго он сидел в тени своего таланта. Возможно, всю жизнь. Ману нашёл его в подвале собственного дома, где клуб татуировщиков делал в бизнесе первые шаги. Кай приходил к ним поболтать и послушать оперу на ужасающей громкости среди бела дня. Татуировщиков он снабжал краской, которую пёр неизвестно откуда, и это засчитывалось за входной билет.

Ману был вхож везде.

Так в подвале под апокалипсического Вагнера состоялась встреча двух людей, которым никто до этой минуты не был по-настоящему интересен.

Ману не отлипал от Кая. Их каждый день видели вместе.

А если бы следили за Каем, то каждый час.

Не знаю, подпитывали ли они друг друга, но Кай продолжал не рисовать шедевры, а Ману просто был и вводил собой в ступор мир.

Я присоединился позже. Однажды шёл за Ману по набережной до самого центра города, одной из его площадей, потом в петляющие переулки, потом до самой двери Ману. Возможно, в переулках он хотел от меня скрыться, но верить с трудом, что не сумел.

Я шёл за Ману и придумывал про него историю: он был слишком невероятен, слишком неопишуем – и мне требовалось его решить. Когда он остановился возле двери и повернулся ко мне, я вместо «здравствуй» начал выкладывать ему то, что набросал. Он послушал и сказал: «Пойдёт».

Я так и не узнал, было ли в моём описании Ману хоть малейшее с ним совпадение, но он принял мою версию неотредактированной и остался таким, каким я его для себя сочинил.

Мы начали ежеутренне пить чай и гулять по набережным. А потом я увидел Кая, и он рассмеялся мне в лицо – от радости. Кай сказал, что с меня бы портреты писать – настолько я фактурен. Вот он бы написал шедевр. Но с удовольствием не станет.

Мы виделись каждый день. Ману, Кай и я, писатель с непрославленной фамилией Комов, исходили наш город нога в ногу и прожили на всех его сквозняках душа в душу.

Мы с Каем были невыездными, а Ману иногда оставлял нас, чтобы увидеть иные миры, и сообщал об этом запиской.

Последняя исключением не стала.

#

Комов пришёл в подвал и зачитал без предисловий:

«Мой сосед живёт в норе. Дверной глазок всегда закрыт, звонок отсутствует. У него мало вещей – не хватает, чтобы разбросать вокруг. Поэтому в норе свежо и пусто. У него вообще нет книг, нет телека и телефона. Музыка он не слушает. Он много пьёт, но только воду».

– Автопортрет? – догадался я. – Один в один.

– Это из сочинения на тему «Самый близкий человек». Алиса написала, девочка-соседка.

Кинула почитать в почтовый ящик.

– И давно ты с ней общаешься? – спросил я, разглядывая тетрадь по русскому языку.

– «Здравствуй» говорю лет пять. А дальше разговор не заходил.

Я кивнул: тоже не представляю, о чём говорить с шестиклассницами.

Под сочинением красной ручкой стояло: неуд. И приписка: «Неверно интерпретировала слово «близкий».

– Что, кто-то ближе тебя живёт?

– Странно не то, что я для неё – самый близкий, – пояснил мне Комов. – Странно, что она хорошо знает мой быт. Словно присутствовала в нём.

– Либо была у тебя без тебя...

– Что невозможно.

– Либо просто догадалась.

– Такая юная – и уже догадливая?

– Так бывает. Когда к одним детям приходит подростковый возраст, другие начинают умнеть. И видеть.

Однако кое в чём Алиса Холмс ошиблась. У Комова есть телефон, он всё время выключен. Комов звонит только по рабочим делам и в доставку кулерной воды. А когда не звонит, делает так, чтобы ему тоже не звонили.

И музыку слушает: очень непродолжительное время и только в те моменты, когда не делает ничего.

– Музыка наполняет чужими смыслами. Я не могу под неё думать и тем более работать. Радости она тоже приносит мало. Поэтому любой музыке я предпочитаю тишину.

Видали? Даже опера его не трогает.

– Не люблю, когда кричат.

Просто бездна вкуса.

А книг в норе у нашего писателя и правда нет. Они бы там не поместились. Школьница Алиса пока не знает про чердак прямо над Комовым жильём: вот там у него книги, книги, книги – вдоль всей крыши и до горизонта. По – настоящему Комов любит только это место. И книжные. А библиотеки – нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.